

Александр СИЗУХИН

СЕВЕРНАЯ ПАСТОРАЛЬ

1

— Чем их угощать будешь? Нет у нас ничего, слышь, дед? Штё молчишь-то?.. Молчит, — бабушка Галина, наострив ухо, но не дождавшись ответа, продолжала бормотать: — Видали, будто не к нему обращаюца... Взял моду прикидываца, глухой, мол... — старуха выговаривала печи, за которой лежал дед, лежал ещё с ночи, грея спину и надеясь, что боль отпустит. — Вставай, говорю. У меня инда всё болит, а я вставаю, преодолеваю. Оно и лутше, двигаца надо больше, врачи-то говорят...

Дед, хотя и лежал за печкой молча, но думал ту же думу — чем встретить любимую внуку с зятем. Однако мысль эта была у него не главной: «Чем-нибудь встретим — картошка ещё осталась, капуста не вся вышла, и даже грибы сушёные висят несколько снисок в чулане, куру зарубим для лапши», — не особо сокрушался дед... Чего баба зря кудахчет, лишь бы с мысли сбить?

Занимал деда другой вопрос: насколько зять рукаст и в чём сможет помочь в хозяйстве? Через неделю картошку надо бы окучить, байна с угла просела, дверь перекосило, не закрыть, пар выходит, а если в Троицу захватят, можно и веников побольше заготовить — в парную, да и козе зимой пожевать для разнообразия и витамина.

Старик перебирал в голове дела, которые хорошо бы делать не одному, а с помощником.

«Внука же сама написала, Аркаше нужно поработать, — вспоминал дед письмо, которое пришло к ним неделю назад. — Хороший, видать, зять, едет вот поработать... А городские-то взяли моду приезжать в деревню отдохнуть, сашлыки всё жарят. Как же, отдохнёшь тут! Делов непроворот...»

Дед повернулся на бок, кряхтя, сел, лавка заскрипела.

— Встал, штё ли? Иди-ка курицам дай, — сказала бабушка Галя, услышав скрип запечный. В миске она намешала размоченных сухарей с рубленной крапивой.

2

В плацкартном вагоне поезда «Москва — Лабитнанги» царило дневное оживление: бегали дети, а кто и плакал; молодёжь, скорее всего туристы, в другом конце вагона терзали гитару и пели; крутобёдрая проводница разносила чай, держа в каждой руке по вееру подстаканников, а чтобы не распылять содержимое, когда вагон качало, она то одним, то другим бедром упиралась в стойки и перегородки купе.

— Чаю кто заказывал? Чайку не желаете? Чай горячий... — оповещала она пассажиров.

Аркаша лежал на верхней полке, отвернувшись к стене, и, видимо, спал или делал вид, что спит. Он с самого начала, — только они задумали поехать в деревню к Лениным бабушке и дедушке, — говорил, что ехать нужно в купейном вагоне, но Леночка почему-то упёрлась и настаивала, что — нет, поедем в плацкартном.

Непонятное упрямство жены объяснялось тем, что с самого детства родители возили её в деревню именно в плацкартном вагоне. Ей всегда нравилось вагонное общение, когда совершенно незнакомые взрослые люди, оказавшись вдруг рядом, начинали знакомиться, угощать друг друга дорожными припасами и конфетками, рассказывать разные интересные истории, с годами нравилась и та откровенность, с которой можно было поведать о таких вещах и событиях, о каких близкому или просто хорошо знакомому не расскажешь никогда, а здесь, сойдясь на какие-нибудь сутки, всегда можно найти заинтересованных, всё понимающих, благодарных слушателей.

Леночка пыталась это объяснить Аркаше, на что он, недоумевая, отвечал:

— Послушай, что за фантазии! Ну, в самом деле, случайные, чужие люди, у каждого свои проблемы. О чём ты будешь говорить с ними? Не понимаю, не понимаю я этой тёрки «за жись...»

— Тебя никто не заставляет перетирать и слушать. Лежи, отдыхай. Сам же говорил, что устал... Ну, поедем... в плацкартном. А? — настаивала на своём Леночка.

Аркадий молодой жене уступил. «Да ладно, в конце концов, и правда, зялягу наверху, выплюсь... И дешевле выйдет», — подумал он, согласившись на плацкарту.

В далёком Йемене Леночка два года работала в госпитале операционной сестрой,

там она и познакомилась с Аркашей, молодым, талантливым хирургом. Сначала она лишь ассистировала на операциях, а потом они неизбежно сблизились, как и должно было произойти между молодыми людьми. Объединяло их здесь и то, что оба приехали из России и говорили между собой по-русски. За молоденькой медсестрой приударял ещё немец, анестезиолог, но ей он не нравился.

Чем дальше жила Леночка там, в Йемене, тем чаще вспоминала летние дни, проведённые в деревне у бабушки и дедушки. К концу второго года она с ненавистью смотрела на жаркое, золотое, неутомимое солнце, которое, будто подставляя адову сковороду, пыталось изжарить всё вокруг и от которого хотелось куда-нибудь спрятаться, но скрыться было негде, и она с тоской воскрешала в памяти, как однажды они с дедушкой схоронились от дождя под огромной елью в лесу, как надёжно укрыло дерево зелёными густыми лапами, как хорошо там пахло — влажной хвоей, грибами, старыми мокрыми пнями, дедушкой. А сейчас она бы и от дождя не пряталась. Вспомнив дождь, Леночка ощутила, как кожа её вдруг покрылась мурашками, и сердце застучало чаще.

Аркаша не понимал тоску Леночки и не разделял — общих воспоминаний у них не было. Ему жилось комфортно в Аравии. Более того, вспоминая Москву с её вечной сыростью, слякотью и холодом, он ёжился и передёргивал плечами.

— Леночка, ну посмотри, как здесь хорошо: тепло круглый год, никаких тебе осеней, зим с вёснами, никаких тонзиллитов и гриппов... — восторгался он.

Леночка смотрела на своего теперь мужа, кудрявого, весёлого, черноглазого, с маленькой эспаньолкой, обрамлявшей острый подбородок, и успокаивала сама себя: «Всё хорошо, всё хорошо, Аркаша, конечно...»

Чаю не хотелось, Леночка, подмяв подушку, лежала на животе, смотрела в окно. Там, чем дальше от Москвы, тем ближе к поезду подступали сначала перелески, а потом и густые леса. В голове циклилась старая песня из детства: «Зелё-о-оное мо-о-оре тайги... зелё-о-о-оное мо-о-оре... зелёное море...»

3

Утром следующего дня Лена и Аркадий сошли с узких, неудобных ступенек на влажный бетонный перрон и захлебнулись густым молоком тумана. Солнце ещё не взошло, а после спёртого вагонного тепла утрення, предрассветная прохлада ощущалась особенно зябкой. Аркадий закашлялся, Леночка застегнула куртку. Вдруг из тумана рядом с ними вынырнул какой-то невеликий мужичок в кепарике. Он стрельнул с указательного пальца бычок под начавшие катиться колеса вагона и бодренько, с хрипотцой молвил:

— С приездом, уважаемые! Куды едем?

— До Любятова нам... сколько возьмёте? — спросила Леночка.

— Дык сколь дадите... ну... это, двести — и мы на месте, — засуетился кепарик, радуясь фарту.

— Договорились, — почему-то сразу согласилась Леночка.

Мужичок Аркаше не понравился, и он начал возражать, предлагая Лене всё-таки дождаться автобуса, который, они знали, отправится через полтора часа.

— И-и-и, паря, сломался автобус-то, его, можа, сёдни и не починят, — махнул рукой кепарик, — а у меня тачка прогрета стоит. Долетим... птицей. До Любятова-то.

— Правда, Аркаша, ну чего мы будем ждать у моря погоды? Поехали с ним.

«Тоже мне, наша море...» — подумал Аркаша, но промолчал.

В машине, старенькой «копейке», Аркадий сразу же попросил включить печку.

— Ксти, паря, рази будет она работать столько-то лет. На ходу солон и так нагреется, лето же, — отвечивал водила, потом включил зажигание — машина вздрогнула, затряслась, заурчала; врубил свет — «копейка» упёрлась ярким конусом об одну фару в туман, фара вторая не светила вовсе, — и путешественники «птицей» полетели в Любятово.

«Нет, в этой стране ничего не меняется, — думал Аркадий, — ничего... Драндулет этот... вечно сломанный рейсовый автобус... так всё и было в прошлом веке, да и в этом. Как можно так жить... Чем? Зачем? Салон нагреется... Откуда он хоть слово такое знает — «солон»... — размышлял Аркадий, съёжившись в пыльной утробе древней колымаги.

Леночка нутром чуяла недовольство и настроение мужа, но эта пока невеликая тревога не пересиливала ту радость, которая возникла в душе от встречи со знакомым перроном, со смешным и таким понятным и каким-то родным кепариком, с ухабистой дорогой, по которой они ползли «птицей» вперёд к бабушке и дедушке.

Они ехали на восток, небо начинало светлеть, но солнце ещё не взошло, а над лесом ярко мерцала звезда, будто умытая.

— Смотри, какая звёздочка... Венера?

— Наверное... — буркнул Аркадий.

Леночка положила голову на плечо Аркаше и всё смотрела и смотрела вперёд, всё ждала и хотела увидеть восход. То, что Солнце скоро появится, предвещал и красный на-

кал неба у горизонта, и легкий ветерок, который размётывал ошметки тумана по кустам и деревьям, и то удивительное благолепие, разлитое вокруг. Предрассветное.

Дорога поднималась в гору, и чем выше, тем прозрачнее становился туман, а с перевала можно было увидеть уже и светило — как тащит оно из тёмной бездны новый летний день.

— Видишь, видишь, Аркаша, солнышко встаёт, — тормозила Леночка дремавшего мужа, — наше, ласковое. Смотри, смотри, и краснота на небе исчезает.

— Эт к дождю... — сказал кепарик и закашлялся. — Эх, кх-кхм... мать раз этак, покурить не возражаете?

— Курите, конечно. А на дождь что-то непохоже...

— Будет, будет, вишь, небо бледнеет сразу... Нужен он дак, а то — суховато... — закуривая, объяснял водила. — Вона Любятово ваше видать, я ж обещал — птицей долетим.

В салоне повис запах дешёвого курева, и Аркадий приопустил боковое стекло. Дорога вновь правила с восколмия вниз, и мужичок, переключив на нейтралку, дал машине свободно двигаться по инерции, и она, скрипя подвеской, будто в благодарность, без моторного рёва, лихо катилась — и вправду птицей!

Любятово гнездилося на следующем взгорке.

— Аркаша, а давай мы пешком в деревню войдём, мне так хочется просто по улице пройти. А?

Аркадий сразу согласился. Надоело ему уваливаться на ухабах да вдыхать вонючую табачину. Вещей у них немного: два рюкзачка и сумка с гостинцами, — отчего бы не размяться. И молодое тело, после лёжки в вагоне и утомительного, скрючившись, сидения в салоне «копейки» само по себе требовало движения.

— Пожалуй, права, — согласился Аркаша. — Подышим, разомнёмся. Слышь, Шумахер, не вьезжай в саму деревню, народ не пугай. Во-он там, у дерева, останись.

— Кого там пугать? — засмеялся кепарик. — Живой кто остался ли? Я уж туда давненько никого не возил.

— Как это нет никого! Мы к бабушке с дедушкой едем. К Гуриным.

Слышал. Эти живы вроде. Сам-то Гурин здоров был. Он тут года три-четыре тому целу банду разогнал. Один дак.

— Как это? — заинтересовался Аркадий.

— Да тут стали ездить по деревням — иконы старые собирать, у кого остались, саомары, прялки. А кто не отдавал — поджигали. Банда, одним словом. Вот и в Любятово завернули. Ну, Гурин, Николай-то, их и уважил. Слегой у околицы. Двоих-от сразу уложил, а трое еле ноги унесли, правда, раненых прихватили, не бросили. Обещшали вернуть. Спалим, мол, ты живьём. Но перестали ездить после того, а мож, и посадили дак...

Путешественники расплатились, отдав, как и договаривались, две сотни. Шумахер развернулся и налегке полетел обратно. Птицей.

Лена с Аркадием остались вдвоём, осмотрелись, Лена — вспоминая и радуясь, Аркадий, никогда в своей жизни не бывавший в таких глухих местах, тоже с интересом сканировал ландшафт. Потом они направились по дороге, которая поднималась, и увидели на противоположном конце деревенской улицы будто подвешенный диск солнца — он не слепил глаза и был ласково тёпел.

Улицу переходила полосатая кошка. По зелёным обочинам песчаной дороги разгорались золотые головки одуванчиков. Вдруг стеклянную тишину утра разбил весёлым кукареком чай-то петух, оповещая деревню и мир, что новый день начался. Правда, деревня уже не спала: где-то в ответ петуху промекала коза — уж не бабушкина-дедушкина ли, подумала Леночка, но пока козу не видно, решить чья, было невозможно.

У крайней осевшей набок избы на бревне сидели два кривеньких, как опята, мужичка, покуривая и трясясь то ли от утренней свежести, то ли с похмелья. Мужики внимательно смотрели на приезжих.

— Слышь, а ведь это Ленка гуринская... Они всё ждали: приедет внука, приедет внука, мол, с зятем, ё-моё, и правда — с мужиком, — комментировал один, поправляя на носу очки, к дужкам которых синей изолентой была прикручена бельевая резинка.

— Чорный дуже, бачь, — отвечивал второй. — А чому удивляца, воны наших кра-сунь любят.

— Ну, дак и они — люди, понимают...

— Не пьють тильки, им закон забороняе. Я в Афгане ихни-то законы побачив.

— Вот потому, видать, и злые. Озвереешь, если вокруг пьют, а тебе даже не наливают. Закон дак, — сокрушался очкарик.

Лена, вглядевшись в мужиков, в одном признала хозяина косо́й избы — дядю Васю, а кто сидел рядом, никак не узнавала. Скорее всего — пришлый. Так и оказалось — дедушка потом рассказал, что мужик этот отстал от своей бригады: «Они сами то ли с Украины, то ли с Приднестровья приехали — вели тут линию электрическую, столбы ставили. А этот нашего Ваську-то встретил, да и запили на пару. Васька как раз с зоны вернулся. Вернулся, а дом-от пустой, дети выросли, жена к дочери в Котлас уехала... Ва-

ське скушно одному-то квасить».

— Здравствуйте, — поздоровалась Леночка, поравнявшись с трясунами, — узнал, дядь Вась?

Молча кивнул мужикам и Аркаша.

Друганы, вскинув руки «но пасаран!», прохрипели:

— Аллах акбар!

— Вы чего, дядь Вась? — рассмеялась Леночка. — При чём тут аллах, да ещё акбар?

— Дык здоровкаимся с твоим, мы уважаем.

Аркадий тоже улыбнулся и тихонько, чтобы слышала только Леночка, сказал:

— Ну и экземпляры тут выживают. Музей мадам Тюссо, — особенно развеселил Аркашу дядя Вася, в очках на резинке и со вскинутым кулаком, между пальцами которого торчал окурок. Аркаша добавил: — Или кунсткамера... Его даже в спирт помещать не нужно — проспиртован и так насквозь.

— Да ладно тебе, — улыбнулась Леночка, — дядя Вася очень добрый зато.

— Они добрые... если ещё на опохмел им дашь...

Наконец, наши путешественники подошли к дому стариков Гуриных. У палисадника на недлинной веревке, чтобы не могла добраться до горьких одуванчиков в канаве, паслась коза Бяша. Имя маленькой ещё козочке дала сама Леночка. Теперь же взрослая коза сначала внимательно смотрела на гостей, недоумённо мекала и трясла бородой, — видимо, оповещала хозяев о гостях.

— Бяша, Бяша, не узнала?

В окошке появилось, выглянув из-за герани, лицо бабушки, мелькнуло и исчезло, а минуто спустя и сама бабушка Галя сбегала с крыльца навстречу дорогим, жданным гостям.

— Приехали, приехали, дед! Радость-то! — коза теперь молча, но нервно вертя хвостиком, взирала на шум; Из-за дома поспешал и дед с пустой миской. — А я тебе штё говорила? Приехали. Да чё ты миску-то пусту тащишь! Брось! — заругалась бабушка на деда, памятуя о дурной примете встречать гостей пустыми ведрами или вот пустой миской. — Бестолковой!

Дед бросил миску в траву, отёр руку о штанину и сухую протянул зятю.

— Приехали, значит... Ну, будем знакомы — Николай Степаныч.

— Аркадий.

Дед, сжимая зятеву ладонь, отметил про себя, что рука-то у Аркадия крепкая. «Глядишь, и вправду поможет», — подумал дед. А бабушка Галя, прижав одной рукой внучку крепко-накрепко к груди, другой — всё гладила её по спине и от радости не могла произнести ни слова. Опять закукарекал петух; бляела, пытаясь что-то поведать, коза; с другого конца деревни на шум нёсся со всех лап Тобик.

4

— Я-ак думаешь, Василь, посадалы воны вже за стол? Чи ще балакают... Чуешь, Вась? — спрашивал электрик дядю Васю.

Друганы, первыми встретив гуриных гостей, решили, что сегодня-то Гурин просто обязан соседям проставить — радостью надо делиться. А как иначе? Но подвалить к столу просто так с наглой рожей тоже негоже, поэтому дядя Вася с электриком принялись мучительно искать какой-никакой повод и гостинец для визита. Вернее, повод был — приезд внуки, но идти с пустыми-то руками не принято. Принести что-нибудь к столу от себя они не могли — нечего. Сухие грибы давно съели, солёные прокисли, покрылись плесенью, и чтобы закукусывать, надо было долго промывать их в ручье. Самим-то ладно, но не гостей же городских угощать — позориться. Ягоды в лесу ещё не было. Правда, в подполе лежало ещё несколько банок тушёнки, но она и самих ещё выручит, отдавать жалко. «Щавелю надрать? Да он у Гуриных свой, за баней растёт», — размышлял дядя Вася. И тут его осенило:

— Электрик, я тебе чё скажу-то, надо в низине походить — глянуть, не осталось ли сморчков. А? Поздновато конечно, дык кто их знат, може, ещё где и есть. А?

— Думаю нема вже, вода тала сошла, — высказал сомнение электрик. — Алэ, пишлы до нижниго лиса, може, шо и осталось.

Так и решили. Приятели спустились с северной стороны холма и направились к ручью у нижнего леса. Там на кочках у берёз они ещё совсем недавно собирали весенние грибы, которых было много, но остались ли донныне, кто их знал? Тем не менее, дядя Вася почти сразу и нашёл. В остатней сырости, на кочке у берёзы, вылез темно-коричневый гриб, весь в глубоких извилинках, будто мозг маленького лесного гнома, торчал без черепа. Дядя Вася выковырял первенца, сильно дунул на шляпку — из извилин посыпался жёлтый песок — и опустил в пакет.

— Эй, электрик, ищи лутше, есть они. Наберём, пожалуй...

Часа за два приятели собрали почти половину пакета. Грибы были крупные, как груши, а дух от них шёл свежий и крепкий. Промыв от песка и земли в ручье — гостинец

же, — друганы сложили добычу обратно в пакет.

— Чуешь, Вась? Я шо пытаю — сели они сидать або не?

— Думаю, сидят. С дороги-то голодные, — размышлял дядя Вася. — Щас пойдём. Но грибы надо в корзинку переложить, чтобы товар лицом... А то чего в пакете припёрли, подумают, дрянь каку... У тебя там покурить не осталось?

— Немае... Може, внучка курэ? Тоди стрельнём до завтрева, а потим лавка прыдэ... Петро обещава же...

Бабушка Галя напекла блинов — мужчинам с салом, чтобы посытнее были, а себе с внучкой — поставила банку варенья, сваренного из яблок с брусникой, которое Леночка очень любила. Для неё и береглась банка сия весь год. Дедушка из подпола достал и бутылочку своей на калгане настоящей самогонки.

— Ну, давайте, что ли, с приездом да со знакомством, — приговаривал хозяин, разливая по стопарям напиток. — Лечебная дак, понемножку можно и с утра за ради такого, значит, события.

Все чокнулись друг с другом. Аркаша, поднеся рюмку ко рту, сначала понюхал продукт. Пахло приятно. Выпил.

— Чистый вискарь, надо же, — недоумевал он. — Даже и закусывать не хочется.

— А то! Своё всегда лутше, — крикнул дед. Женщины пригубили.

И тут на крыльце залаял Тобик. С приездом дорогих гостей он понял, что теперь дом следует охранять, а не носиться без дела по деревне. Служба есть служба. Конечно, Васю с электриком пёс знал и тявкал сейчас не злобно, а лишь оповещающая, что в дом идут посторонние, но тоже как бы свои.

— Васька, штё ль, прётся? — без злобы, но с неудовольствием проворчала бабушка.

— Ну дак разве оне пропустят, — ответил дед.

— Здравствуйте, Николай Степаныч! — начал с порога Василий. — Мы вот грибокв, это самое, принесли... первых, порадуй молодёжь-то.

Из-за спины Василия вышел электрик с корзинкой.

— Чим богати...

— Ну, чего порог топтать? Проходите к столу, — пригласил дедушка.

— Да мы только... это самое... грибокв вот... думали, ребятам...

— Проходите, — сказала бабушка и принесла ещё две тарелки и два стопаря.

— Ни-ни, мы исть не будемо... мы грибквив трохи.

— У нас так-то не принято. Пришли — дак садитесь! — дедушка подвинулся на лавке, освобождая место рядом.

Мужики присели. Дедушка набулькал в стопари.

5

Бабушка с дедушкой внучку звали «Леночкой». Это имя прицепилось к ней ещё в раннем детстве. Ещё только научившись говорить более-менее внятно, Леночка на вопрос, как тебя зовут, отвечала: Ленока. Так и пошло с тех пор.

Сей день Леночка помогала бабушке на огороде полоть грядку с редиской. Дедушка молча ладил дверь у бани. Аркаша сидел в сарае у компьютера. Тобик, кружа по двору, наблюдал за всеобщей деятельностью.

— Ленока, я всё хочу спросить, — начала бабушка разговор, — он у тебя какой врач-то? По каким болезням?

— Он, бабушка, хирург и очень, между прочим, хороший. Диссертацию вот пишет.

— Хиру-у-ург? — удивилась бабушка. — Режет, стало быть... Может... и до смерти, прости господи?

Леночка спокойно, и даже слегка улыбнувшись, ответила:

— Ну, почему до смерти... Ну, бывает, конечно, летальный исход, но у Аркаши этот процент самый низкий был в госпитале.

— Какой процент? Летальный... отлетают, штё ли, на тот свет?

— Я же говорю — редко, низкий процент.

Бабушка незаметно перекрестила грудь мелким крестом и покачала головой.

— А чем вы нас-то с дедом окормили? Мы ведь ночами не спим — на ведро бегам всю ночь-то... То дед, то я, а то дак и одновременно надо, а дедушка совсем не дёржит, злища. Сказал, что ваших таблетков в рот больше не возьмёт. А ты его знашь — еслив сказал штё, не свернёт. Упрям.

— Да ничего страшного, баб, надо же соли выгонять лишние из организма. Бегаете, и хорошо, это же диуретик, — пыталась возразить Леночка.

— Не, Ленока, не будем мы.

— Не хотите — не надо! Мы же не настаиваем. Тут дело добровольное.

Бабушка разогнулась, потёрла рукой поясницу.

— Ох-хо-хо, грехи наши тяжкие... — Леночка продолжала выщипывать сорняки между рядами взошедшей редиски. — А штё он в сарае-то сидит? Вышел бы. Дедушке

помог. Чудной какой-то он у тебя... Ты уж прости...

— Некогда ему. Работает.

— Рабо-о-отает?! Скажешь тоже. Дедушка так его ждал, думал: вот приедет мужик, мы с им стоко дел-от переделаем! А он сидит себе сиднем... сарай занимает. Может, дедушке взять чего надо? В сарае.

— Лено-о-ока-а-а! — позвал дедушка внучку. — Иди-ка подмогни!

Леночка быстренько встала и пошла к бане, отряхивая руки.

— Чего, деда, делать?

— Я вот сейчас угол-то подыму, а ты сунь под косяк клин. Поняла?

Дед упер лом под угол бани и, подложив под него чурбак, попытался приподнять просевший угол. Но не тут-то было: силёнок не хватало, да ещё старое бревно нижнего венца мялось и крошилось.

— Эхма, рочаг мал... слеглой надо, — размышлял дедушка вслух.

— Давай Аркашу позовём. Он, знаешь, какой сильный!

— Я и вижу — какой! Весь день сидит у своего... как его? Экрана этого, — махнул дед рукой.

— Правда позову, — сказала Леночка и направилась к сараю.

— Тяжель ложки-то не подымал небось, — тихо, чтобы внучка не слышала, бурчал старик под нос.

Работать Аркаша уходил в сарай. Только там было ему комфортно, правда, и сюда заглядывали любопытные куры, иногда забегал полежать в тени на стружках Тобик, но, кроме них, никто больше не отвлекал хирурга. Поставив на дедушкин верстак ноутбук, он несколько часов кряду молотил по клавишам — работу надо заканчивать, сроки поджимали.

Диссертация, посвящённая хирургическому излечению облитерирующего эндартериита, была почти готова — собраны наработки, проведено достаточное количество успешных операций по трансплантации большого сальника на ишемизированную конечность, и теперь оставалось придать работе словесную диссертательную форму. Аркаша так и рассчитывал за деревенские три недели труд завершить. Для этого ему каждый день надо было уделять работе часа три-четыре, ну и часок, чтобы сосредоточиться, привести мысли в порядок. Да не всегда так-то получалось: то дедушка пристанет с вениками и баней, то бабушка с разговорами «про здоровье». А как же, мол, врачи приехали, как не посоветоваться о болячках, когда тут болит и там колет... Аркаша еле сдерживался, чтобы не рассказать бабушке известный анекдот: если вы проснулись и у вас ничего не болит, значит, вы умерли. Но наступал себе на горло — не рассказывал.

С Леночкой они диагностировали, что у стариков в организме скопились соли — от этого и ломота в суставах, но у деда ещё возможны камни в почках. От того и болит поясница. Аркаша даже постукал кулаком против дедовых почек, отчего старик Гурин застонал. Но окончательный диагноз деду ставить надобно в стационаре. А здесь, посоветовавшись, решили они какое-то время подавать старикам «Фуросемид», благо оказался диуретик с собой, и посмотреть на реакцию организма.

— Аркаша-а-а, — позвала Леночка мужа, приоткрыв дверь, — ты очень занят?

Аркадий повернул голову в сторону жены не сразу, — некоторое время продолжал печатать, но, в конце концов, спросил:

— А что?

— Дедушке надо бы помочь.

— Вот так всегда — только мысль придёт, сразу кому-нибудь чего-нибудь надо. Вот сразу! Я ему помогал уже в бане. Что опять-то?

— Ну, прости, прости... Надо, Аркашенька. Там недолго совсем, ты же знаешь — спи-на у него...

— Окей! Скажи, через пять минут, мне абзац надо закончить.

Леночка, оставив сарайную дверь открытой, вернулась к бане. Дедушка сидел на скамейке, подставив лицо с закрытыми глазами солнышку.

— Сейчас придёт.

— Слышал я... посижу пока... Спину никак не отпускает, уработались с бабкой, кряхтуны стары.

— Да ладно тебе, вы у меня герои ещё.

Леночка села рядом и прижалась к старику.

— Ну да, герои — порты с дырою, — рассмеялся дедушка. — Ты, внука, уж прости, но хочу сказать — мы с бабкой не будем больше этих таблеток пить. Вы хоть и врачи, а лечите как-то не по-нашему. Да и зачем лечить-то? Каждому срок назначен, его не перепрыгнешь. А перепрыгнешь — дак намучишься только.

— Деда, давай спину помассирую.

— Не, не тревожь. Пройдёт... сама, — дедушка только рукой махнул.

Пришёл Аркаша.

— Ну, чего, дед, делать? Где помочь?

— Вот берите, значитца, слегу и подымайте угол. А я клин под косяк подсуну, чтобы дверь затворялась. А получится повыше поднять, то и валунов новых подкатим — пусть пол проветривается. — Ну, раз-два, взяли! Пошла, пошла, ладно, хорошо...

На дружную работу пришла полюбоваться и бабушка Галя.

6

Между тем, время отпуска катилось к финалу. Молодые окрепли на свежем воздухе и Бяшином молоке. Аркаша почти завершил вчерне диссертацию, Леночка напиталась воспоминаниями детства и бабушкиными рассказами. И ещё вроде бы забеременела даже, но этой новостью пока ни с кем делиться не стала. Даже с Аркашей.

Старики от зятя ожидали, конечно, большей помощи, но и за такую спасибо — веников всё-таки заготовили, баню поправили, дров вот только маловато сложили. Но Аркаша пилить и колоть весь день не мог, а только выходил поразмяться от «экрана». Тут уж старики никак его не понимали: да и то, пойми их, нынешних, — сидит-сидит весь день в сарае, бормочет и на кнопки нажимает. А к концу дня-то выйдет и скажет:

— Эх, устал чертовски! Дед, давай, что ли, напряжение снимем...

— Ну, дак с чего устал-то? — усмехнётся старик. — Но если в напряжение... то оно, конечно, давай... сымем.

Дедушка лез в подпол, вытаскивал бутылочку своего на калгане, и напряжение за ужином снимали. Однако дед отмечал, что Аркадий больше трёх стопок не выпивал. Видимо, по его напряжению — три-то в самый раз! Ну, и ладно, это хорошо, что потребности такой нет, а то ведь скольких она сгубила. Нет, в этом плане за него можно не беспокоиться. Хотя и чудной, конечно, мужик.

— Ты, Аркадий, хирургом работаешь-то? Режешь, стало быть... И что же, не жалко тебе человека? — завёл дедушка разговор.

«Ну, теперь опять про болезни начнут», — подумал Аркадий.

— Что значит жалко? Я же ему в конце-то концов помогу. Почему жалко? Наоборот...

— Ну да, ну да, это я понимаю... Ты закусывай, закусывай. Лучок-от свежий, с грядки... А я к старости стал жалостливый, мне как-то всех жалко — и людей, и животинку всякую. Рыбу только ловлю, но и то через себя переступаю. Вот бабушка к завтраму надумала вам лапши куриной сварить, к отъезду. Пирожков напечь в дорогу. Я чё, может, ты, как хирург, куру-то того-этого? А то я уж года три как не могу: руки-ноги дрожат и сердце жмёт. Ваську просим, когда надо... А?

Аркаша даже перестал жевать перо лука. Ну, дед, удумал!

— Дедушка, Аркаша — городской! Как он зарежет? Он и не видел никогда, как это делается, — заступилась Леночка за мужа.

— Да уж, и я думаю, лучше Ваську. Как-то надёжней будет, — сказал зять.

Бабушка с дедушкой переглянулись.

— И то, дед, штё пристал? Ваську попросим. Они с электриком враз порешат.

— Да я так... думал, хирург дак. Ваську, конечно, чё им делать, — взял дедушка свои слова обратно. — Четусечку поставлю за работу.

На том и порешили — завтра с утра, пока молодёжь спит, курицу отнести Ваське.

В эту предпоследнюю ночь Леночка с Аркашей долго не ложились спать. Вечер тихий и светлый, такой, какие бывают только на севере, не звал ко сну, а наоборот — тревожил и манил. Нагретая за день земля не пускала холод небесный вниз, и от этого возникал туман, а ближе к полночи он будто окунул в молоко уже всю землю.

Они дошли до озера и решили искупаться напоследок. Леночка быстро скинула одежду, тело ощутило прохладу, ну и комары, конечно, обрадовались — надо было скорее войти в тёплую воду, от которой поднимался пар. Аркаша ещё стягивал носки, а Леночка исчезла в воде ли, в тумане ли.

— Тё-о-о-оплая! Не бойся! — звала жена, и сам голос её был похож сейчас на плеск. — Ой, как хорошо! — радовалась Леночка, присев в воде по самую шейку.

Аркадий потерял её из виду — она будто растворилась. Входя и сам, наконец, в воду, он поворачивал голову в разные стороны, пытаясь обнаружить жену.

— Лена-а-а! Ленка, где ты? — звал он, медленно входя в озеро всё дальше. Вода совсем не казалась ему тёплой. Но тут Леночка выскочила сверкающей пружиной и, закричав:

— А-а-а! Попался! — набросилась на него, обняла, крепко прижавшись к мужу. От неожиданности Аркадий не устоял на ногах, и они вместе бултыхнулись в воду. Теперь и Аркадию вода показалась тёплой, а в объятиях жены даже горячей.

Аркадий ощущал сладостную упругость тела жены, и ему хотелось тоже крепко-крепко обнять её, но руки скользили по мокрому телу, и он подумал, что не удержит её, но Леночка вдруг как-то сразу обмякла, прижалась податливо, и они лежали на мягком песочке, высунув только головы из воды. Выходить на берег не хотелось, потому что

сразу облепят комары — в воде же было хорошо и ласково...

Потом они бродили берегом озера, слушая, как в тишине неожиданно всплывала невидимая рыба, как из леса на другом берегу доносились то какое-то уханье, то свист, а не встречая над водой преграды, звуки слышались отчётливо и будто бы совсем рядом. Леночка строила планы на будущее: как летом они будут приезжать сюда вместе, отдыхать от больных, от крови, от города.

— Ведь правда хорошо здесь? Ну, скажи! А когда ягоды пойдут, грибы... уезжать не захочешь, — Аркадий больше помалкивал, и, чувствуя усталость, хотелось ему поскорее лечь в постель и заснуть. Из деревни прокукарекал первый одинокий петух. — Это наш, других в деревне нету... Домой зовёт... — засмеялась Леночка.

— Я вот всё думаю — как старики одни тут живут? И не страшно ведь... — рассуждал Аркадий.

— Я у бабушки спрашивала — не страшно, мол, одним здесь? А чего страшного, говорит, страшно, если кто появится. Незнакомый дак... Тогда думаешь, кто такой?.. Они же и родились здесь. Дедушка в этой деревне. А бабушка чуть дальше, за озером.

— И не уезжали никуда?

— А куда уедешь? От хозяйства да от детей.

Аркаша молчал некоторое время, потом подвёл черту:

— Дикие люди.

— Почему дикие? Своя жизнь у них...

Тихонько, чтобы не разбудить бабушку и дедушку, они прошмыгнули в избу и улеглись на приготовленную за занавеской кровать.

7

Ранним утром, пока молодые спали, дедушка сходил в сарай и поймал там намеченную ещё накануне сонную курицу, которой предстояло теперь отправиться к соседу Ваське. Курицу накануне выбирала бабушка и пометила птицу зелёной.

— Вот так вот, отжила своё... штё ж поделашь, — приговаривал дедушка, чувствуя в душе вину и даже печаль. Как и всякие большие, сильные люди, был он жалостлив и сентиментален. Особенно в старости.

Курицу дедушка нёс в корзинке, которую сверху укрыл мешковиной. Четושечку Николай Степанович не захватил, подумав, что отдаст по выполнении дела, а то выпьют — и там уж неизвестно, куда их поведёт. Могут и про курицу-то забыть. А так — пообещает за выполненную работу, и будет им стимул.

— Василей! — крикнул дед от калитки. — Работу тебе принёс! Слышь, што ли.

Из-за косой двери вышел Вася.

— Слышу, слышу... Тока работу принёс? А это... за работу дык...

— А «за работу» по выполнении. Всё чтоб по-честному.

— Одна там? — спросил Вася, принимая корзину.

— Одна.

— Ладно, хорошо. Щас электрик проснётся — мы мигом.

Жертва притихла в корзинке...

А спустя полчаса через дорогу, хлопая крыльями, перепачканными в крови, бежала домой взъерошенная курица, за нею, выкатив от ужаса глаза и засовывая в рот указательный палец руки, вернее то, что от него осталось, чесал электрик. Рот пузырился кровавой пеной, и хохол время от времени пускал на землю красную струю. Вася схоронился за углом и оттуда посверкивал стёклами очков и топором, тщательно с двух сторон отирая лезвие пучком травы. Ликвидировал улики. На всякий случай.

Случилось-то вот что: по пробуждении электрик, которого растолкал Вася раньше времени, не совсем ещё проснувшись и плохо соображая, чего от него хотят в такую рань, вышел во двор. Вася катил на зады пенёк.

— Що робим?

— Да вот, Гурин куру принёс, налить обещал за работу. Подь сюда-то, держать будешь, а я тяпну дак...

— Почекай трохи, я перекурю.

— Чё тянуть резину? Перекуривать он будет... Подь, говорю. Доставай давай куру!

Вася поставил пенёк на попа и пошёл в сарай за топором. А электрик всё-таки закурил. Он долго чиркал трясущимися с утра руками спичку о коробок, но зажёг, наконец, прикурил и глубоко затянулся дымом. Не вынимая сигареты изо рта, подошёл к корзине и сунул руку под мешковину. Курица закудаhtала, забилась о стенки, но электрик схватил её за лапы и вытащил. Курица продолжала квохтать и хлопать крыльями.

— Зараз я тэбэ заспокою, — приговаривал электрик, подходя к пенёку.

Правой рукой он держал птицу за ноги, а левой за шею. Курица отчаянно вертела головой и никак не желала сдаваться. Тогда электрик указательным пальцем прижал ей голову, да тут в глаз ему попал дым от сигареты, и он отвернулся вбок, да ещё глаз прищурил, курица же в последний момент голову выпростала, а Вася, крикнув, тяпнул

топором по пальцу.

— А-а-а-а! — заорал электрик. — Палец! Трястца твоей матери!.. Ты шоз робыв?

Из обрубка на несчастную птицу хлынула кровь. Электрик отшвырнул куру, а правой рукой начал шарить по пеньку в надежде найти отрубленную фалангу, но отрубка нигде не было...

Курица схоронилась и затихла в сарае; по двору, выкатив грудь, расхаживал петух и возмущённо, непрерывно кукарекал; Тобик лаял на прибежавшего электрика; бабушка причитала:

— Бяда, ой, бяда-то какая! Да штё ж ты нескладной какой! Дурень! От дурень! — на шум и гам вышла на крыльцо заспанная Леночка. — Аркадия буди, доктор нужен! Ах ты, господи-и-и! Подыми руку-то вверх! Кровищи-то, кровищи...

На крыльце появился Аркаша. Он удивлённо смотрел на переполох, но, заметив на поднятой руке соседского мужика текущую кровь, понял, что требуется его помощь.

— Лена, глянь, что там у него, а я пока инструменты возьму, — сказал Аркадий и скрылся за дверью.

Тут надо отметить, что хирург всегда при себе держал кое-какие медицинские причиндалы: в рюкзаке в стальной коробочке лежали пинцет, три скальпеля, игла, шприцы, шовные нити, резиновый жгут, стерильный бинт. За этой коробочкой и пошёл Аркадий.

Лена подошла к хохлу — мужика бил колотун.

— Ось, дывьсь... Видрубь... палець указивный...

Голос электрика срывался, он будто глотал слова.

— Дед, налей-ка болезному с полстакана для наркозу, — крикнул Аркадий, спускаясь с крыльца.

Он осмотрел руку электрика и понял, что тому вообще-то повезло — топор точно попал на сочленение суставов, и кость пальца осталась целой. Нужно было теперь очистить рану и защитить кожу. Леночка тоже кое-что прихватила с собой в деревню из «медицинского» и даже, будто заранее зная, противостолбнячную сыворотку.

Дедушка налил полстакана из приготовленной «четушки» и протянул электрику. Тот взял здоровой правой рукой и в два глотка выпил содержимое. Аркаша попросил ещё налить и опустил в самогон инструменты — скальпель и пинцет. Потом они зашли в избу, усадили хохла за стол, и Аркадий почистил рану и аккуратно собрал и завязал, как пупок младенцу, кожу на укороченном пальце.

— Як же ж тэпэр... робыть буду? — скулил электрик, пока Леночка бинтовала ему культю.

— Ничего, ничего... Заживёт, и будешь работать, как и раньше. Левая же рука, — успокаивала Леночка ласковым голосом, а потом ещё и укол анатоксина ему под лопатку сделала против столбняка.

От переживаний и выпитого «наркоза» хохла развезло, глаза у него как-то сами собой начали закрываться, и, видя его полуобморочное состояние, Леночка предложила страдальцу прилечь на диван и успокоиться. На диване электрик почти сразу и вырубился, засопев носом...

Дедушка с бабушкой сидели на дворе у бани. Дед, чувствуя, что весь сыр-бор закрутился из-за него, помалкивал, а бабушка причитала:

— Штё вот теперь? Нечего их было просить, алкашей... И так-то тяжело, уедут робыты... голодные дак... может, и не увидим больше... штё вспомнят?

Выдержав паузу, дед заговорил:

— А кто меня к Ваське послал? Штё им делать, штё им делать? Кто тростил?.. Голодные... Почему голодные-то? Суп пшённый на сале сварил... Яичек в дорогу десяток, картох в мундире можно, — искал дедушка выход из создавшегося положения.

И тут они заметили, что у калитки топчется, не решаясь войти, Васька. В руках он держал оцинкованное, слегка помятое ведро.

— Николай Степаныч, здрасте... Здрасте, баба Галя, — виновато кивал головой посетитель. — Жив хохол-то?

— Жив, слава богу! Спит дак... Ты ему, штё ли, угораздил-то? — спросил дед Николай.

— Да случайно сам палец сунул...

— Считай, повезло. Пока врачи-то не уехали. Всё ему как надо сделали.

Васька по голосу Николая Степановича понял, что на него соседи не в обиде и зла не держат, отворил калитку и направился к старикам.

— Вот я сикилявок наловил, — продолжил разговор Василий, ставя на землю перед стариками ведро. Бабушка Галина заглянула — там действительно на две трети ведро было заполнено серебристыми малявками. — Думаю, для коклет самое то будет, — утверждая, но и как бы спрашивая, молвил рыболов.

— И правда, Васька, это выход — котлет нажарить. Сальца добавим, лучку, — согласился дед и локтем подтолкнул хозяйку. — Штё скажешь?

— Только чистить сами будете, — подвела итог бабушка, — таку прорву!

— Мы мигом. Чего там чистить-то — голова да хвост... момент один, — суетился Василий, вываливая улов на траву.

Котлеты у бабушки Гали удались на славу. Получилось много — всем хватило. Пообедали все вместе. Выпили «за здоровье» да «на посошок» понемногу, и молодежь начала собираться в дорогу — к шести часам должен подойти автобус.

Раненому хохлу Аркадий велел всё-таки через пару дней съездить в райцентр и показать палец хирургу, сделать там перевязку.

— У мэна полису немає... не приймуть.

— Попроси как следует. Перевяжут, там же тоже люди, — сказала Леночка.

— Ладно, воно и так заживэ, — махнул хохол здоровой рукой.

Вася с электриком поблагодарили хозяев и отправились восвояси.

В ягодную корзинку бабушка сложила десяток варёных яиц, пучок свежего лука и по три котлетки каждому.

— Хлеб-то уж на вокзале купите сами, посвежее дак... — напутствовала бабушка. В пакет с котлетами, чтобы не испортились, она натолкала листьев крапивы. — Вот так-то до Москвы им ничего не будет.

Рейсовый автобус останавливался на другом конце деревни. Гурины пошли проводить внуку с зятем. Расставание было грустным. Старики, будто предчувствуя, что, наверное, больше не увидят внуку и зятя, всплакнули. Даже дед всё отворачивался и старался незаметно смахнуть ладонью слезу, а бабушка и не прятаясь вытирала концом платка ручьём текущие по щекам слёзы.

— Вот и побыли, миленькие мои, повидались напоследок-то... Мало, конечно, побыли... Как один день пролетел, — дрожащим, каким-то незнакомо тонким голосом говорила бабушка. — Дед-то совсем ведь плохой стал...

— Ладно тебе скулить, штё говоришь им в дорогу? — встрепенулся старый.

Подъехал автобус. Аркаша, пожав деду руку, первый залез, а Леночка всё обнимала и обнимала стариков. Наконец, взобралась и она.

— Простите нас, еслив штё не так или обидели коды... — кричала бабушка и махала вслед тронувшемуся автобусу.

А Леночка всё оборачивала голову — смотрела на одиноких своих стариков, и сердце щемило, и душа рвалась к ним, в прошлое, в колыбель детства.

И вдруг в небе она увидела белого ангела — он возник из облака.

— Вон, вон, смотри, ангел в небе, — толкнула Леночка мужа локтем.

— Где?

— Да вон — из облака, смотри!

— Не вижу я никакого «ангела». Фантазёрка...

— Смотри, смотри — склонился и благославляет будто... Да вон в той стороне, где Любятово наше осталось. Чудо прямо!

Не разглядев ангела, Аркаша склонил кудрявую голову на плечо жены и дремал всю дорогу...

8

Зиму дедушка не пережил. На исходе её, в феврале, тихо отошёл ко господу.

Бабушку Галию забрала из деревни дочь, и жила теперь старушка в Котласе.

Избу заколотили крест-накрест досками. Бесхозную животинку свели к соседу Васе. Электрик пропал, видать, подался на родину, поразмыслив, что Васька-уголовник в конце концов по пьяни порешит его — кому нужен лишний рот!

Совсем тихо стало и пусто в Любятове.

Один лишь Тобик прибегал иногда из дальней деревни, где худо-бедно теплилась ещё жизнь, к заколоченной гуриной избе, садился на крыльце и, подняв морду к небу, поминал бабушку с дедушкой и оплакивал их.

9

После успешной защиты Аркадий с Леночкой вскоре переехали в одну маленькую страну с большими возможностями, где зима мало чем отличалась от лета. Здесь теперь и жили.

Леночка, когда раздался звонок, сидела в кресле в саду под апельсиновым деревом и смотрела, как дочка, маленькая Юля, играет в теплом песочке. Она открыла мобильник — плоским зеркальцем дисплей сверкнул на солнце — и посмотрела, кто звонит. Но увидеть на ярком свете — кто, было невозможно, она приложила телефон к уху. Звонила мама.

— Господи-и-и, мам... Когда?.. Нет, мы не сможем... Аркашу не отпустят... Мы не успеем... Нет, и я не могу... Мам...

Леночка заплакала и подняла голову к безоблачному небу.